

она обеспечивает преемственность отношений между поколениями ученых, согласованность отношений разных групп ученых, развитие научной этики, и другие [4,с.115].

«Идеология науки исторически развивается под воздействием социальных, культурных, политических факторов. Пока не существует обоснованной исторической периодизации этапов развития идеологии науки», - пишет в своей статье А. Кравец [4,с.115]. Никто не осмелится отрицать первое утверждение, но всё же некоторое подобие периодизации привести необходимо. Всю историю науки можно разделить на 2 периода и 4 этапа. Первый период – время малой науки. Он содержит в себе 3 этапа: ювенальный, классический, неоклассический. Второй период – период современной науки, или, как ее еще называют, большой науки. Его не делят на периоды.

Рассмотрим подробнее историческое развитие идеологии науки: Ювенильный этап – самый продолжительный. В нем зарождаются основные идеи научного познания. Также его называют романтическим этапом. В это время, с XVI по XVIII века, зарождаются основные методы и идеи научного познания, предложенные Р. Декартом и Ф. Бэконом - дедуктивный и индуктивный [3, с.90]. Наука XIX века получила название классического этапа. Здесь наука совершенствует свои методы и набирает обороты. Во время неоклассического этапа развитие науки продиктовано военным временем и охватывает период первой половины XX века – период Первой и Второй Мировых Войн. Последний этап большой науки, продолжается и в наши дни. Ее идеология продиктована стремлением относительно мирного развития в условиях нарастающего военного потенциала стран и военных технологий.

Пройдя по этапам становления и «взросления» идеологии науки, можно сказать, что она является полноценной и неотъемлемой частью самой науки. Она влияет на вектор дальнейшего развития науки, на взаимоотношения ученых, на внешний образ науки в глазах социума. Хотя идеология науки и не очень систематизирована, она способствует объединению и конкретизации самой науки. Наука без такой важной своей части не была бы наукой, как мы привыкли себе её представлять, мир бы выглядел по-другому. В мире науки без идеологии нет места человеколюбию, свободе. Без неё наука перестала бы быть одним благом и постоянно наносила бы вред развитию человечества.

Список использованных источников:

1. Идеология / Г. Ю. Семигин // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Степин. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 2010. — 2816 с. —5000 экз. — ISBN 978-5-244-01115-9.
2. Уайтхед, А. Н. Избранные работы по философии / А.Н. Уайтхед. Москва: Прогресс, 1990. 716 с.
3. Миронов, В.В. Философия: учеб. пособие для вузов / под. ред. Миронова В.В - Москва: Норма, 2005. — 928 с.
4. Кравец А. Идеология науки // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 114-122.

СОЗНАНИЕ, ПОЗНАНИЕ И ЯЗЫК

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь*

Протас А.Ю.

Бархатков А.И. – преподаватель каф. философии

Условием существования вещи является совокупность ее отношений с другими вещами. Познание отношений между вещами эквивалентно познанию самих вещей. Язык представляет собой способ структурирования и формализации этих отношений.

Столетия развития человеческой культуры можно сравнить с миллионами лет эволюционного развития различных видов живых организмов. Как на каждом этапе миграции и расселения вида на новых территориях в результате географического разделения отдельных групп его представителей появляются тысячи новых видов от одной предковой формы, так философские учения и школы давали начало множеству новых философских систем и взглядов. В природе нельзя сказать, какой организм является совершенным, а какой нет, ибо вид организма определяется условиями среды и мутационным потенциалом организма. Удивительно, что философия породила собой такое же богатое и разнообразное генетическое дерево взглядов и методов, многие из которых почти полностью противоположны друг от другу. Из такого положения вещей можно было бы заключить, что, возможно, и не существует однозначно верного взгляда в вопросах философии, и все взгляды по-своему равноправны, но я бы поостерегся делать столь глобальные выводы из ограниченных способностей человека к познанию. Поэтому мне представляется необходимым найти такой философский подход, который бы не зависел ни от каких начальных положений или чтобы основание этого начального положения лежало за пределами вещей, на которые я, субъект, мог бы повлиять.

Рассуждая об этом вопросе, я пришел к заключению, что ни один подход, основанный на формальных рассуждениях, никогда не удовлетворит моему требованию. В ходе своих философских поисков я, как мне кажется, обнаружил клочок истины, на который мог бы опереться, и нашел я его в собственном восприятии. Ведь все, что мы есть – это наши осознанные ощущения, будь то мысли, звуки или визуальные образы. Но внутри наших ощущений есть чувства и образы нами не управляемые, то есть нашим желаниям не подвластные. Лица и дома перед глазами, слова и музыка в воздухе, тепло солнечного света и про-

хлада осеннего ветра на коже – все это ощущения, вызываемые не нами, возникающие в нашем сознании сами собой, независимо от того, хотим мы того или нет. Именно эта часть наших ощущений и была всегда предметом интереса философии, ибо она не подвластна нашим ожиданиям, нова, влияет на нас и, что важнее всего, не зависит напрямую от нашей воли, ибо если бы справедливо было обратное, мир не оставлял бы нам никаких вопросов. Однако нам неизвестны ни причины появления независимых ощущений в нашем сознании, ни их суть, потому нам не на что опереться, кроме них самих. Какое преимущество в том, чтобы отталкиваться от этих ощущений во всех последующих предположениях? Дело в том, что для того, чтобы видеть или слышать, не нужно ни верить, ни опираться на теорию или взгляд. Можно сколько угодно менять попытки объяснить то, что мы видим, но никакие перемены не изменят факта восприятия.

Извлечь следствия из наших независимых ощущений можно лишь одним образом – посредством рассмотрения самих этих ощущений. Вопрос стоит за тем, каким образом правомерно их исследовать? Представим все наши ощущения, доступные сознанию в данный момент, одним набором осознанных элементов и поставим в соответствие каждому моменту времени свой набор. Для простоты назовем каждый такой набор «моментом сознания». Какие простейшие операции мы можем произвести над элементами моментов сознания? Мы можем объединить несколько ощущений в группу и можем навскидку определить интенсивность каждого ощущения относительно интенсивности других. Каким образом мы можем познать мир этих ощущений с помощью обозначенных операций? Взрослые люди привыкли полагаться на натренированную годами практики интуицию и память, их сознание легко выделяет в своих ощущениях объекты и события, дифференцируя их настолько легко, что мир им и начинает казаться таким – состоящим из отдельных объектов и событий. Однако вспомните на секунду свои ощущения, когда вы, например, впервые видите запись на незнакомом языке или сложную схему с неизвестными вам обозначениями. Первое, что вы видите в такой момент – это множество линий и закорючек без всякой интуитивно ясной для вас внутренней логики, ваше сознание в состоянии выделить лишь максимально сложные объекты из представленных ему в таких случаях ощущений – в нашем примере это линии и закорючки. Однако стоит вам пройти обучение, как палочки и закорючки легко превращаются в буквы, а те в слова еще до того, как вы успели рассмотреть каждую букву – мозг узнает уникальную визуальную сигнатуру слова еще до полного его прочтения.

А теперь постараемся мысленно пройти тот путь, которым уже однажды прошел наш мозг. Представьте, что вы в месте, полном знакомых объектов. В своей комнате, например. Оглядываясь, вы видите столы, полки, стулья, книги. Но что вы видите на самом деле? Вспомните не в то, что осознаете, а в то, что на самом деле перед вашими глазами! А перед ними просто буйство разноцветных пятен. Теперь как вам, если вы не знаете ни одного объекта или образа, не способны ощущать объем по совмещению изображений с двух глаз, перспективе и светотени, понять, что такое вы вообще ощущаете? Все, что мы можем сказать об этих ощущениях без всяких знаний – это то, что они отличаются друг от друга, а единственное, что мы можем понять о них – это меру их отличий. Единственные инструменты, которыми вы обладаете – это описанные мной операции с ощущениями (группировка и сравнение) и память, позволяющая вам запоминать «моменты сознания» в их сходной очередности и результаты произведения операций над их элементами. Обработывая свои ощущения, вы можете заметить, что определенный их набор часто встречается в разных моментах сознания почти неизменным. Заметив это, вы можете объединить эти ощущения в группу и узнать ее всегда, когда встретите в любом другом моменте сознания. Такая группа, состоящая из элементов, лежащих в одном моменте осознания, пусть назовется объектом. Далее вы можете заметить, что при появлении группы одной группы ощущений А, группа ощущений В в ряду моментов сознания плавно трансформируется в группу С. Объединив весь полученный набор ощущений (А и все промежуточные формы между В и С), вы можете сформировать новую группу D. Такая группа, состоящая из элементов различных моментов осознания, пусть назовется процессом, явлением или событием (в зависимости от уровня абстракции и контекста), а вид группы D (когда появление одного объекта вызывает трансформацию других объектов) пусть назовется воздействием. Случай же их взаимного изменения при общем появлении в одном моменте сознания назовем взаимодействием. Если проявить фантазию, то можно догадаться, что таким нехитрым образом можно легко разобраться в любом случайном наборе ощущений при условии, что в нем существуют хотя бы какие-то корреляции. Это значит, что для того, чтобы поделить реальность на знакомые нам объекты и научиться «понимать» ее, все, что нам необходимо знать – это как соотносятся между собой все элементы наших моментов осознания.

Познание взаимоотношений между вещами эквивалентно познанию вещей и мира. Ведь взаимоотношения с другими вещами – все, что мы можем узнать об отдельной вещи. Сама по себе она не имеет никакого содержания, в то время как содержание образуется из факта того, что одна вещь каким-то определенным образом отличается хотя бы от одной другой (будь то цветом, весом или положением в пространстве).

Нетрудно заметить, что все рассуждения выше были произведены при помощи инструмента под названием «язык». Давайте взглянем на то, как мы применили его выше (и в данном предложении, которое уже закончилось). С использованием того же языка мы можем сказать, что применили его для того, чтобы описать значение неких понятий и представлений определенных в этом языке с использованием самого языка. Т.е. смысл слова в языке – это поставленный ему в соответствие набор слов из того же языка. Иначе это можно выразить так: смысл слова в языке определяется тем, как оно относится к другим словам в этом языке. В этом выражается внутреннее подобие языка миру, который мы пытаемся познать: опираясь на условленное заранее взаимоотношение между словами, мы можем описать отношения между объектами наших ощущений, соответствующих словам. Несложно применить язык для того, чтобы дать название группе ощущений из одного момента сознания (объекту) – просто взять и поставить ей в соответствие какое-нибудь слово. Использование языка – лишь способ формализации и структуризации наших ощущений. Язык позволяет изучать и сравнивать ощущения, не рассматривая их сами по себе, используя

лишь записанные в словах взаимоотношениями между ними и набор правил, определенных для каждого возможного взаимоотношения.

Опираясь на данную концепцию языка, рассмотрим вопрос «понимания». Под пониманием в философии обычно разумеют достоверное знание о некоей сути вещей. Очевидно, что внутри нас такое понимание может быть выражено либо в ощущениях, либо в языке (в нашем сознании и нет больше ничего). Но так как любому ощущению или отношению между ощущениями мы можем дать название, любое такое понимание, если оно существует, может быть выражено в языке. Т.е. понимание сути вещей, если оно возможно, можно представить в виде некоего набора слов. Если выраженная в языке мысль не определена на наборе испытанных ранее ощущений, она не несет в себе никакой информации (во всяком случае, для субъекта). Таким образом «суть вещей» не может выйти за рамки описания простых ощущений и взаимоотношений между ними и всегда должна редуцироваться к ним. Таким образом, ключевым условием существования вещи является наличие ее отношения к другим вещам, которое можно измерить, причем такое измерение и является единственным средством познания и актом подтверждения существования этой вещи. Та же вещь, что изолирована от других и никак к ним не относится, не может быть определена, что равносильно тому, что ее не существует. При этом познание сути вещей вне контекста осознанных ощущений невозможно, любое же объяснение происходящих в мире явлений является лишь способом интерпретации этих ощущений.

Список использованных источников:

1. Философия для студентов ВУЗов: учебное пособие / Ю. А. Харин [и др.]; под общ. ред. Ю. А. Харина. – 5-ое изд. – Мн.: ТетраСистемс, 2002. – 416 с.
2. Шаповалов, В. Ф. Философия науки и техники: О смысле науки и техники и о глобальных угрозах научно-технической эпохи: учебное пособие / В. Ф. Шаповалов. – М.: Фаир-Пресс, 2004. – 320 с.
3. Интернет-портал // Психоналитическая теория творчества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru/users/silberfuerst/post94972713/#> - Дата доступа: 05.02.2015.

ТЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь*

Немкович А.В.

Ратникова И.М. – преподаватель

В данной работе рассматривается тема человека в творчестве Достоевского, раскрывается его видение путей разрешения экзистенциальных проблем человека. Выделяются основные понятия философии человека в творчестве Достоевского.

Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь,
то не говори, что потерял время, я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком
Ф. М. Достоевский

В своих произведениях Достоевский рассматривает человека во всем объеме этого понятия. Он раскрывает те стороны души человеческой, которые сам человек не сможет в себе обнаружить, даже при большом на то желании. Его персонажи испытывают тяжкие муки и греховные падения в разрешении вечных философских вопросов, в первую очередь, в вопросах любви и смерти. Писатель пытается найти ответ на те вопросы, которые рано или поздно встают перед каждым: как не поддаться греху? в чём смысл земного существования? как прожить жизнь достойно?

Пытаясь ответить на данные вопросы, Достоевский задает себе другой вопрос: в чем состоит предназначение человека? Ответом на этот вопрос для него является любовь.

Любовь является целью христианской жизни. В Евангелии любовь – закон жизни, только в ней благо, счастье человека и всего человечества. Любовь есть смысл жизни. Именно любовь, по мнению Достоевского, является завещанием Христа, самым предназначением человека. В любви Достоевский видит путь разрешения тех вопросов, о которых я уже упоминал: как не поддаться греху? в чём смысл земного существования? как прожить жизнь достойно? Перед этими вопросами все человеческие знания бессильны, и только любовь способна решить эти проблемы. Любовь разрешает эти проблемы в человеке без каких-либо логических обоснований, об этом здесь не может быть и речи. Любовь дарует человек то внутреннее убеждение, через которое человек обретает чувство Бога и бессмертия внутри себя, а значит разрешение в себе вечных вопросов. Как же достигается любовь в таком её понимании?

Любовь – это вера, путь к которой лежит через постоянный труд над собой в совершении евангельского добра и борьбу со грехом. Любовь обретается через смирение.